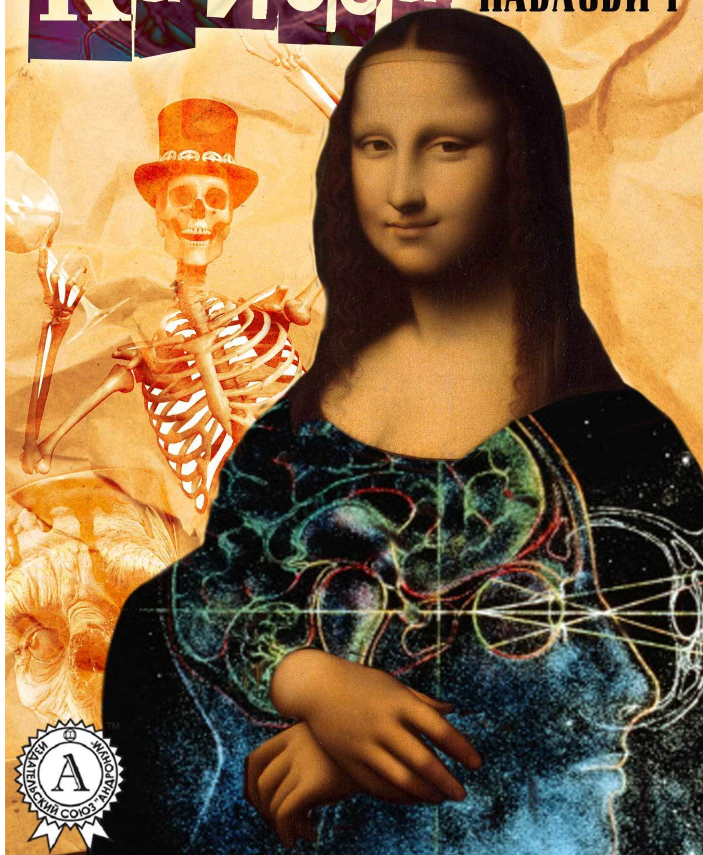

МИНИСТЕРСТВО

Каюра ЛАРИСА
ПАВЛОВИЧ

Лариса Павлович

Министерство Кайфа

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21536482
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Книга из 24 рассказов написана в жанре мистической, юмористической и философской фантастики, где есть место как раздумью о жизни и смерти, о смысле жизни, о добре и зле, о будущем планеты, так и шуткам, любви, чудесам и приключениям. Читателя заставит поволноваться и заинтригует история молодого человека, неожиданно принятого на работу в Министерство Кайфа. Также красиво, талантливо и драматично описана история любви Джоконды и Леонардо да Винчи: оригинальная версия автора о смысле и назначении улыбки Джоконды. Заставит сопереживать история парня, недавно вышедшего из тюрьмы и научившегося оживлять людей. Вы также сможете почувствовать себя в шкуре современного Раскольников, вынужденного сражаться с целой дюжиной бабок-зомби, вооружённых топорами, и станете романтиками, прочитав историю о том, как однажды тёплой летней ночью обычные дома-корабли снялись с якоря и поплыли навстречу друг другу. Познакомьтесь также с весьма оригинальной личностью: скелетом Васей, воскрешённым для важной миссии: спасти человечество.

Содержание

Министерство Кайфа	4
Часть 1	4
Часть 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лариса Павлович Министерство Кайфа

Министерство Кайфа

Часть 1

Весенним погожим днём, в одиночестве прогуливаясь по городу, я забрёл в старинный квартал, где никогда раньше не бывал. Дома с остатками древнего благородства смотрели вдаль глазами выдавших виды окон, на всём был отпечаток прежней прелести и нынешнего запустения. Вид этих прекрасных и потрёпанных строений развлекал меня и уносил мою грусть, и я бы ещё долго гулял здесь, но внезапно налетели тучи, и закапал мелкий дождь. От этого старинные здания как-то сразу погрустнели, и я решил, что пора возвращаться домой.

Однако пройдя всего несколько шагов, я увидел редкой красоты особняк в стиле барокко, окружённый пышным садом и затейливой чугунной решёткой. Сначала я подумал, что там располагается какой-нибудь музей, и решил посетить его, чтобы убить время и переждать весенний дождь.

Подойдя поближе, я увидал на здании странную табличку, которая сообщала о том, что за дверями особняка находится «Министерство Счастья и Удовольствий». Не поверив своим глазам, я потянул на себя массивную резную дверь, и уже через секунду оказался внутри старинного здания.

На первом этаже было множество комнат, и ещё одна табличка сообщала, что там находится министерство Удовольствий, а министерство Счастья расположено этажом выше. В коридорах не было никого, кроме одинокого вахтёра, который разрешил мне побродить по зданию.

В полутьме старинного особняка каждый мой шаг слышался громко и отчётливо, и всё это было не похоже на обычную многолюдную суету, которая бывает в министерствах. Переходя от двери к двери, я начал исследовать таблички, описывающие различные виды удовольствий, поймав себя на мысли, что слова «удовольствие», «удобство», «удовлетворение», «удача», «удаль», «удалец», «удочка» происходят от старинного слова «уд», что означает мужской половой орган. Таблички на дверях разжигали моё воображение, и я представлял себе различных чиновников, которые за ними находились. Воображение рисовало то мужчин со внешностью Казановы, то различных соблазнительных и ослепительных женщин, знающих толк в удовольствиях. Я читал названия табличек и тихонько усмехался, одновременно удивляясь то-

му, что на свете существует профессии чиновников, отвечающих за удовольствия.

Табличка на первой двери сообщала, что за ней находится специалист по удовольствиям от сладкого. Я представил себе солидную толстую тётку, уплетающую всякие тортики, пирожные или конфеты, но так как я не очень любил сладкое, то решил пропустить эту дверь. Впрочем, потом я передумал: любопытство взяло верх, и я, постучавшись, вошёл внутрь. За столом, действительно, сидела пышная женщина с тройным подбородком, весьма довольная своей сладкой жизнью. Она улыбнулась и протянула мне конфетку, и я от неожиданности растерялся и принял подарок.

– Я чувствую, у вас проблемы, – вкрадчиво сказала женщина, заглядывая мне в глаза. – Ваша жизнь не сладка, вам не хватает счастья, не так ли? – спросила она, но вопрос был больше похож на риторический.

– Да, – ответил я, – к чему скрывать? Счастья мне не хватает.

Пока я жевал конфету, специалистка по сладкому объяснила мне, что сладость – это не только конфеты и пирожные, это то, что должно быть внутри. Мы должны учиться разговаривать сладко, общаться без грубости, никого не рая – это тоже называется сладость. С возрастом мы становимся

грубее и привыкаем ранить других, это становится даже нормой, но от этого наше счастье уходит.

– Берите конфеты, – закончила женщина, – они волшебные. Наше министерство раздаёт их даром, в виде благотворительности. Если сами не съедите, то раздайте другим: сладость должна увеличиваться. Эти конфеты можно даже диабетикам, потому что сахар в них – чисто мистический.

Я поблагодарил специалистку по сладостям и, набрав полные карманы мистических конфет, вышел за дверь. В коридоре снова никого не было, и я продолжил изучать таблички, перечисляющие все виды удовольствий. Там были удовольствие от вкусной еды, удовольствие от секса, от богатства, от красивой одежды, от тепла и света, от лени, от искусства и развлечений, от выпивки, наркотиков и азартных игр, наконец, от красивых вещей. В идеале хотелось заглянуть за каждую дверь, но время было уже достаточно позднее, и министерство скоро закрывалось, поэтому я решил вломиться хотя бы в ещё одно пристанище удовольствий. Выбирая между выпивкой и красивыми вещами, я выбрал последнее, и вошёл внутрь.

Честно говоря, я ожидал увидеть там груду всяких драгоценностей и прекрасных безделушек, нечто вроде сказочной пещеры с сундуками, полными сокровищ, но за дверью бы-

ла обширная цветочная оранжерея. Пьянящий запах цветов сразу же вскружил мне голову, и тысячи прекрасных живых лепестков окружили своей хрупкой красотой. Мне показалось, что цветы не только источали дивный аромат, но и тихо шептали: «Велихандро, Велихандро, мы любим тебя!» (Родители хотели назвать меня Алехандро в честь Александра Македонского, великого полководца, но мать решила усовершенствовать это прославленное имя, добавив к нему ещё больше величия). Прогуливаясь среди цветов, я наслаждался кроткой прелестью и безгрешной красотой тех, у кого нет ни пола, ни возраста, только хрупкая цветочная плоть, созданная из прекрасного и ароматного вещества, не ведающего о добре и зле. Галерея казалась мне бесконечной, и я удивлялся, как она вообще могла поместиться в стенах небольшого старинного особняка. Цветы всевозможных цветов и форм дарили свой нежный аромат, и покидать этот сказочный благоухающий мир мне не хотелось.

Вдруг я заметил, что среди цветов порхает маленький эльф с тонким невесомым телом и крыльями стрекозы. Я рассмотрел его крошечное, но пропорциональное лицо, тоненькие ручки и короткую тунику, переливающуюся всеми цветами радуги. Эльф подлетел ко мне на уровне лица, и тоненьким голоском пропищал:

– Велихандро, наслаждайся дивной красотой! Мораль по-

рой уродлива и скрывает ужасный лик за золотой маской, а красота так тонка! Доверься ей, и она очистит твою душу! Посмотри на эти цветы: они чисты, невинны и неподкупны. Их создал сам Бог, и человек не смог испортить! Пей красоту, дыши красотой, уноси её с собой в сердце!

С этими словами эльф сорвал несколько прекрасных цветов и преподнёс их мне. Я поблагодарил его и понял, что пора уходить. Выйдя из ароматов оранжереи в гулкую полутьму коридора, я был обескуражен всем, что увидел только что. На первом этаже министерства удовольствий оставалось ещё много не исследованных мною дверей, но так как рабочий день подходил уже к концу, я поспешил на второй этаж, в министерство Счастья.

Второй этаж здания поразил меня своими высокими, в три человеческих роста потолками, роскошью ковров и дороговизной люстр. Меня сразу как бы придавило этим помпезным величием, и сразу напомнило о том, что я беден, мал и, возможно, несчастен. На первом этаже я был хотя бы самим собой, то есть человеком, имеющим право на все земные удовольствия, здесь же я себя сразу почувствовал неполноценным ничтожеством, попавшим в стан полноценных и умеющих жить. Огромные двери подавили меня своим величием, и даже цветы, прихваченные мною с первого этажа, сразу как будто сникли в коридорах счастья, которое мне не

светит. Повеяло каким-то могильным холодом, и мне захотелось развернуться и уйти, но любопытство всё же взяло верх. Задрав голову, я стал изучать таблички на дверях, которые были прибиты слишком высоко для моих глаз, поэтому читались с трудом. Если на первом этаже я представлял себе различные картинки, которые рисовались мне за каждой дверью, то здесь я весь превратился в слух и представлял себе различные звуки, которые доносились из-за дверей.

Из-за первой двери слышался шум парадов и речей, доносились залпы салютов и гром фанфар. Это был отдел Счастья от Патриотизма. Так как этот вид счастья меня мало привлекал, я зашагал дальше. Из-за следующей двери доносились писклявые детские голоса, терзая мой слух высокими нотами. Младенцы пищали, и я понял, что это отдел Счастья от Материнства (Отцовства). Эту дверь я тоже решил пропустить. Следующая дверь вдруг распахнулась сама, и я даже не успел прочесть табличку на ней или прислушаться. На пороге стоял седой старичок в очках и с растрёпанными волосами, больше похожий на сумасшедшего, чем на служащего солидного министерства.

– Заходите, – сказал он неприветливо, так, словно приглашал меня на казнь или на оглашение приговора. И так как я был деморализован подавляющим величием второго этажа, я зашёл внутрь кабинета, хотя совершенно этого не хотел.

Мои мышцы как будто обессилили, и чтобы не упасть на пол, я рухнул в предложенный мне старичком стул. Затем старик занял своё место за обширным столом, упершись взглядом в какую-то толстую книгу. В нос мне ударил неприятный запах плесени, табака и какой-то карболки, которой, очевидно, здесь ежедневно мыли пол. Старик тем временем листал страницы, при этом кряхтя и время от времени бросая на меня недобрые и зловещие взгляды. Наконец, он нашёл то, что искал, но решил начать разговор издалека.

– Знаете ли вы, что такое Счастье, милостивый государь? – начал он, употребляя ласковые устаревшие выражения.

– Меня зовут Велихандро, – представился я, не решаясь спросить, как зовут старика и какой отдел он представляет.

– Не важно, – прохамил старик, – имена меняются, а карма остаётся. Что такое карма вы знаете? – спросил он. Я кивнул в ответ, а старик продолжил: – Так вот, милостивый государь, слово счастье состоит из приставки «с» и слова «часть». И так как часть подразумевает целое, состоящее из частей, для счастья нужно быть частью чего-то целого. Так что нельзя получить счастье, не являясь частью чего-то. Это понятно? – Я кивнул, хотя пока не понимал, куда он клонит. – Мы не должны рассматривать себя отдельно от того общества, в котором родились, мы не должны думать, что мы сами по себе. И если общество или семья нас отвергают, мы не можем быть счастливы, потому что мы уже не часть цело-

го, а что-то отдельное, отброшенное во тьму кромешную. — При этих словах глаза старика грозно сверкнули, и мне стало даже страшно. — Одним словом, — продолжал старик, — отщепенец не может быть счастлив, потому что общество отбросило его! А вы уже давно, милостивый государь, отброшены и обществом, и семьёй: так написано в Книге Судеб. Вы влачите из жизни в жизнь существование выскочки и изгоя, поэтому не можете быть счастливы. И эта последняя ваша жизнь не исключение: уже давно вы упорхнули с ветки общества и поселились в сумрачном лесу отшельничества!

Пока я слушал старика, я думал о том, что он, наверное, прав, и мою жизнь полезной обществу никак не назовёшь. У меня нет какой-то определённой профессии, я поэт и музыкант, никем пока не признанный, зарабатывающий деньги от случая к случаю. Родственники всегда упрекали меня в том, что я не продолжил ни семейный бизнес, ни свой род, оставаясь одиноким философом-скитальцем. И всё же что-то в словах старика меня раздражало и вызывало протест. Он не имел права упрекать меня в выборе пути, который я, по сути, и не выбирал: просто человек с таким типом личности, как у меня, обречён на одиночество и скитания, и даже если он сделает что-то хорошее и полезное для всего общества, его признают и отблагодарят только после смерти.

Придя немного в себя, я решил дать старику отпор, и, гор-

до вскинув голову, произнёс:

– Но ведь я и не врежу никому: я не вор и не убийца, не мошенник или махинатор. Общество само не настолько идеально, чтобы требовать от меня полного самопожертвования!

– Да как вы смеете! – воскликнул старик. – Общество – всё, человек – ничто! Вы уже давно у нас на примете как закоренелый и неисправимый индивидуалист. Мы хотели подавать на вас в суд, только не знали, куда слать повестку. Вы то тут, то там, вас не поймать! Но вы сами пришли, так что будьте добры, заслушайте наше обвинительное заключение.

Тут я уже не выдержал и вскочил со стула, до того слова старика меня взбесили и вернули мне прежние силы.

– Да пошли вы со своим заключением в... (Тут я сказал такое, от чего старик пронзительно завизжал и схватился за сердце. Я бросил на его стол почему-то сразу увядшие цветы, подаренные мне добрым эльфом, и хотел уже было развернуться и уйти, как вдруг над головой старика заметил портрет одного моего знакомого, помещённый в богатую золочёную рамку.

– Кто это? – спросил я, указывая на портрет.

– Это наш министр Счастья, ответил старик, положив под язык валидол.

– Да я же его знаю, – усмехнулся я, – это же мой бывший одноклассник Джек по кличке Унылое Говно, или Угги!

– Убирайтесь, – прохрипел старик, – или я вызову полицию!

– А я к вам и не собирался, вы сами навязались, – дерзко ответил я и, картинно развернувшись, отправился навестить старого знакомого.

Угги был моим одноклассником, и все мы его презирали за мнимую праведность и преданность общественным устоям. Он никогда не пил и не курил, не бегал за девушками, и очень любил осуждать всех с позиций общественной морали и нравственности. Вид его был уныл: он был хотя и высок, но тощ и сутул, лицо его всегда было кислым, как забывшее на столе молоко, а пальцы рук страдали от красной волчанки. Эта неизлечимая кожная болезнь иногда бывает у людей на лице и говорит о том, что в прошлой жизни они, возможно, «испачкали лицо», то есть потеряли свою честь и достоинство. Угги имел эту болезнь на руках, от чего его пальцы выглядели так, словно только что он кого-то убил. Все в школе его молча презирали, девушкам он не нравился. Позже я узнал, что он женился на самой некрасивой, потому что у той, во-первых, не было других шансов, а во-вторых, она, по его мнению, была образчиком нравственности и целомудрия, и он был у неё первым. Остальных девушек он осуждал якобы за их безнравственность и распутство, на самом же деле красавицы были ему не доступны, и «виноград» был кисел. Впрочем, из таких вот мужчин порою получаются

верные мужья и многодетные отцы, потому что, кроме своих жён, они по большому счёту никому не нужны.

Выйдя от старичка, я был крайне удивлён тому, что такое унылое недоразумение как Угги стал аж министром Счастья. Я ни разу не видел его даже улыбающимся, не то что счастливым. Я понял, что его кабинет находится в самом конце коридора, за большой и помпезной дверью, и зашагал прямо к нему. Проходя мимо различных дверей, я читал золочёные таблички типа «Отдел религиозного счастья», «Отдел счастья в браке», «Отдел счастья в творчестве», «Отдел счастья от выполненного долга», «Отдел счастья в трезвости», «Отдел счастья от уплаченной кармы» и многие другие. Старик, очевидно, заведовал отделом счастья от пользы обществу, поэтому презирал бесполезных, и тем более гордых своей бесполезностью людей. Подходя к двери министра счастья, я был сильно взвинчен и зол. Я даже боялся, что не смогу удержаться и тресну пару раз Угги, чтобы тот не задавался и не кичился своей министерской праведностью.

Наконец, я громко предварительно постучал и вошёл в дверь. Угги сидел за столом с видом языческого бога, торжественно встречающего грешника на том свете. Его вид говорил о том, что грешнику полная хана, и никакой пощады не будет! За прошедшие годы он стал ещё отвратительнее, чем раньше, а красная волчанка распространилась с его пальцев

на ладони рук, сделав их кроваво-красными, словно он только что перерезал целый неприятельский батальон. Увидев меня, он поначалу сделал вид, что обрадовался, распустив губы в искусственной и притворной улыбке. От этого его и без того маленькие глазки сузились ещё больше, и обнажились кривые, жёлтого цвета зубы.

В его кабинете пахло ещё противнее, чем в кабинете у старика, и я ощутил даже приступ тошноты. Видя, что я зол и не улыбаюсь ему в ответ, Угги сбросил свою мерзкую улыбочку с лица и застучал по столу кроваво-красными пальцами.

– Велихандро, – сказал он, – ты отлично выглядишь! – Всё так же молод, красив, обаятелен, нравишься женщинам... Ведь нравишься, не так ли?

– В отличие от некоторых, – ответил я с дерзкой ухмылкой, от которой Угги сразу сник.

– Всё такой же грубый и дерзкий! – усмехнулся он в ответ. – Ну и зачем пожаловал в наши края? Что, счастья не хватает? – Он сразу же стал нащупывать то место в моей душе, куда мог бы ударить побольнее. Я, если сказать честно, занялся тем же.

– Соскучился по школьному приятелю, – съехидничал я, разглядывая в деталях кабинет министра. На стенах висели всяческие дипломы и грамоты, изголовье кабинета украшал портрет первого президента нашей страны, а на столе мини-

стра Счастья стояла бронзовая статуэтка нашего ныне действующего президента.

– Как поживаешь, Угги? – спросил я, заранее зная, как взбесит его эта позорная старая кличка, которую он ненавидел и о которой, вероятно, уже давно забыл.

– Веди себя прилично, Велихандро, – ответил он, – ведь ты не вечеринке школьных друзей, а на приёме у министра Счастья!

– Пардон, я и не знал, что такое министерство существует! Если честно сказать, то на первом этаже мне понравилось гораздо больше: и конфетами угостили, и вручили нежные цветы. А у вас тут тоска какая-то, и тишина, как на кладбище. А уж о мерзкой вони я не говорю... Кстати, чем это воняет? Может,дохлым счастьем? Или его засохшими экскрементами?

По лицу Угги пошли красные пятна, но он изо всех сил старался держать себя в руках.

– На первом этаже – одна попса, глупые удовольствия, доступные даже животным, – сказал он, свирепея. А у нас – истинное СЧАСТЬЕ! Скажу тебе больше: даже извращенцы и наркоманы могут получать удовольствие, но счастливыми они никогда не станут, потому что их действия вредят обществу! То же самое касается азартных игроков, обжор, пьяниц

и развратников вроде тебя. Ведь ты в молодости ни одну юбку не пропускал, не так ли, Велихандро? И что в результате? Ты одинок, бездетен, отвержен обществом, бесполезен и несчастен! Разве не так, дружище?

Вместо ответа я пересказал ему притчу Лао Цзы о лесе: в ней говорилось о том, как весь полезный лес порубили на дрова, остались только всякие тоненькие и бесполезные, но зато живые деревья. Честно говоря, я сам плохо помнил эту притчу, которую стал понимать только сейчас. Я ещё долго спорил с Угги, говоря о том, что даже если я стану винтиком в действующей машине нашего общества, я всё равно не стану от этого счастлив, так что пусть засунет рецепт спасения моей души к себе, пардон, в задницу. Кроме того, напоследок я заявил, глядя Угги прямо в глаза, что моя гордость не позволит мне стать винтиком в той машине, где такие как он, унылые говняшки становятся министрами Счастья!

Эти слова могли бы быть последними, которые я сказал в жизни, так как Угги тут же вспылил и, схватив со стола бронзовый бюст ныне действующего президента нашей страны, изо всех сил ударил им меня по голове. Последней моей мыслью было то, что мне конец, голова пробита, мозг наружу, и я потерял сознание...

Очнулся я посреди ночи где-то на пустыре, рядом с на-

половину выкопанной могилой, которую, очевидно, копали для меня. Но то ли испугались того, что я очнулся и застоялся, то ли их спугнуло что-то ещё, но могилу мои гробовщики не докопали. Брошенная лопата валялась тут же, и я был благодарен моим могильщикам уже за то, что они хотя бы меня не добились. Голова раскалывалась, лицо было всё в струпьях из запекшейся крови. Собравшись с силами, я пополз на шум шоссе, который доносился откуда-то издалека. Я старался ползти как можно быстрее, так как боялся, что мои могильщики могут вернуться и завершить то, что не доделали.

Пока я полз, думал о том, что никакого министерства Счастья на самом деле нет, и всё это мне приснилось, пока я лежал с пробитой кем-то головой на пустыре. Тогда кто же пробил мне голову?.. Я ничего не помнил и полагал, что припомню это позже. Впрочем, засунув руку в карман, я обнаружил в нём метафизические конфеты. Это означало, что мне ничего не приснилось, и всё было в реальности.

Где-то через час я выполз к обочине шоссе и попытался подняться на ноги, чтобы проголосовать. Выпрямиться в полный рост не удалось из-за головокружения и слабости, поэтому я голосовал, стоя на четвереньках.

Уже через пару минут возле меня остановилась дорогая

спортивная машина, и какой-то паренёк, выйдя из неё, подбежал ко мне. Он всё понял и без моих слов, и как только парень на руках занёс меня в свой автомобиль, я снова отключился.

Очнулся я в какой-то комнате с высокими сводчатыми потолками, напоминающую залу готического замка. Я лежал на огромной круглой кровати под роскошным балдахином. Простыни были дорогими и шёлковыми, а моя голова больше не болела, перевязанная чистыми бинтами. Это означало, что я не в больнице, а в каком-то частном доме, где мне оказали первую помощь, и моя жизнь, по-видимому, больше вне опасности. Мне даже показалось, что теперь я могу встать и ходить, но для начала я решил оглядеть комнату. Она была убрана с большим богатством и вкусом и служила, очевидно, спальней. На полу лежал дорогой персидский ковёр, а стены украшали изящные хрустальные светильники. Высокие окна были зашторены изысканной драпировкой, на столике в шикарной персидской вазе стоял букет из восхитительных живых цветов. Я уловил их тонкий аромат, а затем услышал звук приближающихся шагов. Через минуту дверь открылась, и в комнату вошёл тот самый юноша, что подобрал меня на дороге.

Он был мал ростом, но хорошо сложен и очень красив. Всё в его лице и фигуре навевало мысль о том, что он, как

это поётся в одной из песен Фредди Меркьюри, «мэйд ин хэ-вен», то есть сделан в раю. Его безукоризненное лицо обрамляли густые чёрные кудри, а на лице играла та загадочная и постоянная улыбка, которую искусствоведы обычно называют архаической. Это была улыбка счастья, идущего изнутри, счастья, в котором жили когда-то древние люди, и которое мы утратили в современности.

Парень поклонился мне и представился как Рамзес, или просто Рам. Когда наши глаза встретились, мне показалось, что он знает обо мне гораздо больше, чем даже я сам. Мне было ещё трудно говорить, поэтому говорил в основном Рам, присев рядом с кроватью на персидский ковёр.

– Мы давно ждали тебя, Велихандро! Не удивляйся, твоё имя нам знакомо. Впрочем, кто мы такие? Как бы тебе объяснить... Мы люди, которых мало, но без того, что мы делаем, мир не может существовать. Позже я расскажу тебе подробнее обо всём этом, а сейчас нам нужно разобраться с министром Счастья. Ведь это он чуть не отправил тебя на тот свет, не так ли? Угги превысил свои полномочия и будет за это наказан. Сейчас я позвоню ему и потребую компенсации за твой ущерб. Он от нас дёшево не отделается, так что проси у него чего хочешь: яхту, дворец, миллионы долларов. Вот, возьми, напиши на бумаге, чего ты хочешь, если не можешь говорить.

Я был удивлён словами Рамзеса, но всё же оценил свой ущерб и угрозу жизни в сто миллионов долларов. Рамзеса эта цифра не шокировала, и он набрал номер министра Счастья. Мне казалось, что я всё ещё сплю и вижу то ли сон, то ли посмертные видения. Сумма в сто миллионов долларов выглядела нереальной, и я расслабился, понимая, что всё равно в реальности её не получу, потому что вот-вот проснусь, и наваждение растает. Между тем в трубке послышался голос Угги, и я весь превратился в слух.

– Господин министр, – начал Рамзес, – вы недавно чуть было не отправили на тот свет нашего человека, Велихандра. Он требует компенсации ущерба здоровью в сто миллионов долларов. Если вы к завтрашнему дню не раскошелитесь, то мы отключим вам кайф!

– Ок, – ответил телефонный Угги, и от обещанных ста миллионов долларов у меня по телу пробежали приятные золотые мурашки. – Сегодня же переведу, сэр, – добавил Угги и повесил трубку.

После этого Рам улыбнулся той шикарной улыбкой, которая бывает только у людей с совершенными губами и зубами белее снега. Каждый его зуб сиял, словно бриллиант, и от этого сияния у меня закружилась голова, я упал на подушку и уснул.

Через какое-то время я очнулся в той же комнате, на этот раз более бодрый. Мне даже хватило сил встать и пройти до дверей. Оглянувшись, над моей круглой кроватью я увидел портрет прекрасной женщины, в котором были две странности. Во-первых, у красавицы были фасетчатые глаза, как у стрекозы, а во-вторых, то ли она сама, то ли её портрет висел вниз головой, от чего волосы девушки не падали ей на плечи, как обычно, а устремлялись вниз буйным и сверкающим потоком. Оторвав глаза от портрета, я открыл дверь и шагнул в коридор. За дверью была длинная галерея, украшенная портретами столь же прекрасных женщин с фасетчатыми глазами, как и в спальне, и все портреты тоже висели вниз головой. После болезни тело мне казалось лёгким, словно не моим, и я скорее проплывал по коридору, чем шёл своими ногами. Наконец, коридор вывел в просторную гостиную, такую же прекрасную и изысканную, как и спальня.

Вскоре в помещение появился Рамзес, и мне показалось, что он немного подрос с тех пор, как я видел его в последний раз. Парень пригласил меня позавтракать, и мы отправились через анфиладу комнат в роскошную столовую. За завтраком Рамзес рассказал мне о том, что мне нужно было знать о себе.

– Мы принадлежим к министерству Кайфа, – сказал он,

наливая мне ароматного кофе. – Наше министерство мало кому известно, но оно самое главное из министерств, – продолжал он. – Не подумай плохого: к наркотикам, алкоголю и сексу мы не имеем никакого отношения. Мы из породы древних и великих, и нас не так уж и много на земле.

Видя Вопрос в моих глазах, Рамзес пояснил, что же такого великого мы делаем.

– В отличие от деревьев и кустарников, – сказал он с райской улыбкой, – кайф просто так из земли не растёт. Его нужно создать, и лишь единицы из всего человечества способны на это, такие, например, как Лао Цзы. Иногда о них помнят, но чаще всего они проживают свою жизнь бедно и незаметно, и никто не знает, чем они на самом деле заняты и какую пользу приносят м... обществу. Производить чистый кайф без наркотиков и даже без религии – это высшее в мире искусство, и на него способны лишь немногие люди с чистой душой и с определённым строением мозга. – Тут Рамзес сделал паузу, чтобы заострить моё внимание, и продолжил:

– Открою тебе секрет: с давних пор в мире существует Кайфопровод, некая сеть, через которую весь кайф собирается в одном месте, а потом распределяется повсюду. Счастье вторично по сравнению с кайфом: их министерство просто перекупает у нас кайф, разбавляет его водой и разливают

по головам, добавляя разные наклейки и примеси. Стоит нам отключить им кайф, как они сразу же останутся ни с чем, и Угги хорошо это знает. Конечно, мы работаем не ради денег, и наши деньги для взаиморасчётов весьма условные. Твои сто миллионов долларов уже лежат на твоём счету в Небесном Банке, но превратить их в настоящие доллары не просто. Будем считать, что эта сумма лежит у тебя на кармическом счету, и она очень пригодится тебе при твоих взаиморасчётах с Вечностью. Но просто так снять эти деньги и стать богатым бездельником тебе никто не даст.

Тут я приуныл, узнав, что моих ста тысяч долларов в виде нала мне не видать, как собственных ушей, а Рамзес между тем продолжал:

– На самом деле в городе нет никакого министерства Удовольствия или Счастья, но в тот день они возникло перед тобой, потому что тебе было суждено вернуться к нам и встретиться с нами. Правда, всё вышло слишком драматично, и Угги пробил тебе голову! Это лишь потому, что вы знали друг друга раньше, а мы не знали, что вы... знали. (Тут Рамзес рассмеялся своим изумительным смехом, которого больше не было ни у кого из земных людей) – Вот как всё завершилось, – сказал он. – Но этот удар был нужен тебе, и после него твой мозг совершенно перестроился. Теперь ты сможешь создавать не только произведения искусства, но и сам

изначальный кайф. Просто расслабься, отключи мысли, и ты его почувствуешь!

Я постарался сделать так, как говорил Рамзес, и действительно, через пару минут почувствовал внутри головы нарастающий кайф, который вскоре уже распирал меня и уходил наружу, куда-то во всемирное пространство. Чувствуя всё это, я даже простил Угги за его удар и за то, что он меня чуть не прикончил в тот день. У меня было ещё много вопросов к Рамзесу, но я отложил их до обеда. А пока что парнишка предложил мне прогуляться по прекрасному саду, окружающему роскошную виллу, где я провёл все последние дни.

– Чей это особняк? – спросил я, щурясь от яркого дневного света.

– Это апартаменты нашей Богини Кайфа, – сказал Рам, расплываясь в своей лучезарной улыбке.

– Это та самая, чьи портреты на стенах? – спросил я.

– Да, но их на самом деле было много. Уходит одна богиня, на её место приходит другая. Она не хочет называть себя министром Кайфа, она... богиня.

– Ну и где она сейчас? – спросил я.

– Богиня живёт на небесах, а здесь – только её временная резиденция, – ответил юноша. Время от времени она появляется во плоти, чтобы собрать весь кайф, который накопился за время её отсутствия, и унести его с собой на небе-

са. Она так прекрасна... Но не только. Она видит всё, что скрыто, потому что у неё фасетчатые глаза, как у стрекозы! Она следит за тем, чтобы мы производили только **ЧИСТЫЙ** кайф, без примесей и без инфекций, понимаешь?. Как только в кайфе появляется что-то не то, он бракуется, а производитель отключается от источника кайфа. Бан, одним словом...

– От источника кайфа? Разве у него есть источник? – уточнил я.

– Да, источник есть, и он бьёт из самой сердцевины мироздания. Никто не знает, для чего и почему, но на нём держится весь мир. Иссаякнет источник, и мы все пропадём. Планета не протянет без кайфа даже пары месяцев! Начнутся войны, революции, стихийные бедствия, самоистребление. Источник независим от нас, и такие как мы, то есть люди из нашего министерства, только улавливают и трансформируют кайф, а все остальные его только потребляют. Вот и Угги, главный потребитель нашего производства, чёртмов моралист, сидит на кайфе, а выдаёт его за тривиальное счастье! Ну да Бог с ним...

Наши разговоры с Рамзесом были увлекательны, и под его руководством я научился главному делу своей жизни – производить чистейший кайф без наркотиков и другой дури. Ведь наш мозг на это вполне способен, если ему не мешать. Нужно только немного опыта и чистая совесть...

Как только я поправился, я покинул особняк прекрасной Богини Кайфа и поселился на своём прежнем месте. Моя жизнь была с виду такой же, как раньше, но на деле уже совсем другой. Я производил кайф, не заботясь о хлебе насущном, и тем не менее, деньги откуда-то шли. Я то выигрывал в лотерею, то получал возвращённые долги или наследство. Изредка я навещал Рамзеса в особняке Богини, и каждый раз замечал, что тот немного подрос.

Рам рассказал мне, что он с малых лет находится в услужении у Богини, присматривает за её замком и ведёт от её имени переговоры с различными скрытыми ведомствами и министерствами. Маленький рост он получил в наказание за то, что в прошлой жизни в большой кайф подмешивал маленький, думая, что никто этого не заметит. Поэтому в этой жизни он уродился красивым, но низкорослым. Он поклялся Богине, что постарается исправить прошлое, и с каждым его добрым деянием его рост немного увеличивался. К тому же однажды я заметил, что его глаза стали фасетчатыми, как у Богини.

Однажды Рам сообщил мне, что моя карьера в министерстве пошла в гору, поскольку Богиня назначила меня смотрителем западной части Кайфопровода. Должность это была довольно почётная и ответственная, потому что нужно было

следить за исправностью всей системы поставок нашего «товара», пресекать пиратские врезки в кайфопровод, отключать кайф за неуплату по карме, расширять сеть потребителей и так далее. В общем, работы было много, как у Газпрома или Нефтепрома, но со всем этим я справлялся. Оплату получал в основном в виде дополнительного кайфа и некоторых бонусов в виде сбывшихся желаний. Впрочем, Рамзес мне сказал, что за отличную работу даже мои сокровенные желания могут исполниться. При этих словах у меня в голове проскочило нечистое желание обладать Богиней, но Рам тут же меня пресёк, сердито сказав:

– Даже и не думай, она Богиня, житель неба!

Тогда в моей голове возникло другое желание, которое я хотел было скрыть от Рама, но разве от него что-то скроешь? Он вперил в меня свои всевидящие фасетчатые глаза и многозначительно повёл бровью.

– Ты хочешь стать Богом Кайфа? М...да... Пожалуй, попробуй!

С тех пор я живу с этой мечтой, пусть и несбыточной, но кто знает? Стараюсь честно делать свою работу, как и многие другие люди, но получаю за это не деньги, а внутреннее счастье, или, говоря языком нашего министерства, полный кайф.

Иногда, прогуливаясь по городу, я встречаю Угги. Я уже давно не обижаюсь на него, потому что если бы не он, я бы всё ещё бродил по земле в поисках счастья и его общих рецептов. Лишь после того, как Угги раскроил мне голову, я нашёл своё счастье и свой рецепт. Теперь, встречаясь на улице, мы раскланиваемся друг другу, и проходим мимо...

Часть 2

Разумеется, моя работа в министерстве Кайфа была секретной, и я никому не рассказывал о ней. Да и кто бы поверил?.. Естественно, работа нравилась мне до такой степени, что я работал бы, даже если бы мне ничего не платили. А платили мне теперь довольно неплохо, и, как и предупреждал Рамзес, в том числе и исполнением некоторых желаний. Мне удалось побывать во многих странах, о которых я давно мечтал, и теперь я отправился туда по делам Кайфопровода.

Мне и раньше приходилось бывать в Европе, но теперь я смотрел на всё другими глазами, и интересовался больше не памятниками и музеями, а системой различных скрытых от людских глаз коммуникаций. Например, смотря на римский Колизей, я видел не только древние руины, но и десятки различных систем, которыми была нашпигована каждая столица в любой части мира. Переплетаясь между собой, словно гигантские щупальца древнего монстра, города и их жителей охватывала система Жизнепровода, Смертепровода, Деньгопровода, Любвипрода, Счастьепровода, Удовольствиепровода, Сексопровода, Кровопровода, Наркопровода, Алкопровода, Тюрьмопровода, Религопровода, Рабопровода, Инфопровода, Властепрода, Славопровода, Болезне-

провода (детища министерства Здравоугробления) и многих других скрытых коммуникаций. В центре каждого провода сидело то или иное могущественное существо, скрытое даже от моих глаз. Чтобы его разглядеть, нужно было фасетчатое зрение, которого у меня пока не было. Но сами коммуникации я видел ясно. Они тянулись на огромные расстояния, и от каждой трубы шло ответвление в сторону определённого человека. Тонкими трубками, словно разноцветной паутиной, был опутан каждый житель земли. Жизнепровод тянул ветвь к пупку человека, остальные коммуникации прикреплялись к различным частям тела. Любовипровод тянулся к сердцу, деньгопровод – к желудку, сексопровод – к половым органам, Алклпровод тянулся к горлу, религопровод – к голове, туда же прикреплялись и Инфопровод, Властепровод, Славопровод, Тюрьмопровод. Смертепровод и Болезнепровод охватывали всё тело человека мелкой сетью, словно коконами, и тянули каждый в свою сторону. В первые дни после открытия моему зрению этих коммуникаций я только и делал, что разглядывал людей. Меня поразило то, насколько каждый опутан теми или иными проводами, даже не подозревая об этом.

Постепенно я познакомился с различными служителями этих коммуникаций, которые, как и я, следили за их исправностью и охраняли их от утечек, повреждений и врезок. Порою эти существа были такими же людьми, как я, но ино-

гда они были различными сущностями, странными и даже не приятными на вид. Я видел также людей в чёрном, обслуживающих самый странный из проводов – Космопровод, но предпочитал держаться от них подальше, так как они обладали самыми новейшими вооружениями и могли запросто стереть память. Тюрьмопровод охраняли мрачные сущности, похожие на пустые клетки с разинутыми пастьми. Они бродили по свету, выискивая себе новые жертвы, и стоило им проглотить какого-либо человека, как тот очень скоро оказывался в обычной тюрьме. Смертепровод охраняли различные скелеты в длинных чёрных плащах, и некоторые из них ходили с обычными деревенскими косами. Если же они шли не поодиночке, а в компании, и были вооружены вместо кос газонокосилками, это означало, что где-то началась война, мор или стихийное бедствие.

Самыми разнообразными и даже порой смешными были представители Болезнепровода: я наблюдал различных микробов и вирусов в человеческий рост, наряженных в пышные одежды эпохи итальянского Возрождения, которые любили украшать себя различными медалями и орденами, очевидно, за самые масштабные эпидемии в истории человечества. Их провода тянулись ко всему живому, как и нити Жизнепровода и Смертепровода. Все эти тонкие, выгнуто-вогнутые и пузатые представители болезнетворности были очень горды своей миссией, потому что позволяли разуплотнить челове-

чество, и тем самым продлить срок его существования.

Алкопровод и наркопровод охраняли различные живописные люди-торчки, каждый из которых пытался внушить своим видом райское блаженство, но на самом деле был жалок и смешон, а представители Счастьепровода выглядели как обычные, но слегка обдолбанные счастьем люди. Кровопровод охраняли мрачные вампиры, которые питались не столько кровью, сколько различными бедами и страданиями, обрушивающимися на людей. Они пили кровь от жизненных потерь, неудовлетворённости, страха, смятения, уныния, депрессий и одиночества, поэтому каждый вампир выглядел по-разному в зависимости от того, какую печаль из юдоли скорбей он пил. Одни предпочитали вино депрессий, другие зелье зависти, третьи любили огненную воду ненависти. Одежда вампиров была разноцветной, их когти были покрашены под цвет одежды, а причёски отражали род их пристрастий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.